

shkole. M.: Izd-vo 1-go Mosk. ped. in-ta inostr. jaz., 1962. Vyp. 1. S. 3–10.

12. Nikolina N.A. Principy postroenija slovarja predlozhenij frazeologizirovannoj struktury // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sb. nauch. tr. po leksikografii. Grodno: GrGU, 2009. S. 75–77.

13. Piotrovskaja L.A. Jemotivnye vyskazyvanija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie k speckursu. SPb.: Obrazovanie, 1993.

14. Piotrovskaja L.A. O proekte slovarja jemotivnogo sintaksisa // Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Tekst slovarja i kontekst leksikografii: materialy Vseros. nauch. konf., Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gercena, 1–13 nojab. 2009 g. / otv. red. V.D. Chernjak. SPb.: SAGA, 2010. S. 449–454.

15. Piotrovskaja L.A. Rol' intonacii v protivopostavlenii jemotivnyh i voprositel'nyh vyskazyvanij // Jazyk. Funkcii. Zhizn': sb. st. v chest' prof. A.V. Bondarko / otv. red. V.D. Chernjak. SPb.: [B. i.], 2000. S. 115–124.

16. Russkaja grammatika / gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 2.

17. Rojzenzon L.I. Frazeologizacija kak lingvisticheskoe javlenie // Trudy Samarkand. un-ta. Nov. ser. Vyp. 113. 1961. S. 101–117.

18. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo jazyka. 2-e izd. L.: Uchpedgiz, Leningr. o-nie, 1941.

19. Shvedova N.Ju. Oчерки po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.

20. Shmelev D.N. O «svjazannyh» sintaksicheskikh konstrukcijah v russkom jazyke // Vopr. jazykoznanija. 1960. № 5. S. 47–60.

21. Jakovenko A.A. Intonacionnyj kursiv v pis'mennom hudozhestvennom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007.

Emotive syntax: typology of phraseological syntactic models

The article deals with the nature of phraseologization in syntax as applied to emotive syntactic models of the Russian language. The author proposes to apply the principles of classification of lexical phraseological units, highlighted by V.V. Vinogradov, to syntactic phraseological constructions and, accordingly, to distinguish syntactic phraseological fusions, syntactic phraseological units and syntactic phraseological combinations.

Key words: *emotive syntax, phraseologization, syntactic phraseology, syntactic model, syntactic phraseological fusions, syntactic phraseological units, syntactic phraseological combinations.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

В.А. ПИЩАЛЬНИКОВА
(Москва)

ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Теория эмоций рассматривается с позиции психологии, нейрофизиологии и лингвистики. Обосновывается представление о теории эмоций как одной из составляющих частей междисциплинарной концепции речевой деятельности.

Ключевые слова: *речевая деятельность, теория эмоций, междисциплинарность.*

Вербализованная эмоция приобретает
витающую значимость для человека...
В.И. Шаховский

Цель статьи – обосновать представление о теории эмоций как одной из составляющих частей междисциплинарной концепции речевой деятельности. Теория речевой деятельности основательно аргументирована в известной концепции А.А. Леонтьева [13]. Характеризуя один из важнейших концептов психолингвистики – общепсихологическую категорию деятельности, – А.А. Леонтьев писал, что «деятельность – в высшей степени динамическая система, в ней постоянно происходят трансформации: акт деятельности утрачивает мотив и превращается в действие, реализующее другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать актом деятельности; действие может трансформироваться в операцию, начать реализовывать различные цели...» [12, с. 62].

Все эти трансформации существенно обусловлены соотношением внутренних составляющих деятельности: мотивов, ее знаковых опосредователей и операций, среди которых мотив играет ведущую роль. А на уровне психического отражения единственным представителем мотивационной сферы индивида в его наблюдаемой деятельности является эмоция [22]; более того, механизмы мотивации обеспечивают не только возникновение, но и развитие эмоций, которые, в свою очередь, могут влиять на содержательные изменения в ассоциациях. Без осознания эмоциональной мотивированности процесса деятельности невоз-

можно понять мыслительное содержание в целом. Эмоции понимаются как субъективная форма существования потребностей (мотивов) и сигнализируют индивиду о значимости объектов в его потребностной ориентации. Эмоции и мотивационные процессы при этом не отождествляются; являясь субъективной формой существования мотивации, эмоции не отражают всех тех процессов, которые подготавливают и определяют появление эмоциональных отношений и оценок. Эмоциональные переживания, представляя мотивационную сферу психической деятельности индивиду, в то же время являются формой ее существования; структура психической деятельности, по Л.С. Выготскому, изоморфна структуре осознанных эмоциональных состояний. Вместе с тем эмоции непосредственно соотносятся с мотивами; по словам А.Н. Леонтьева, эмоции актуализируют мотив еще до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта. «Какие условия и детерминанты ни определяли бы жизнь и деятельность человека – внутренне, психологически действенными они становятся лишь в том случае, если им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней. Конституируя в человеке пристрастность, без которой немислим ни один активный его шаг, эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека» [6, с. 21].

Представленные положения согласуются с идеями А.Н. Леонтьева и в совокупности позволяют обосновывать междисциплинарность теории эмоций: эмоции – это специфические внутренние сигналы психической деятельности, поскольку не содержат информации ни о внешних объектах и их связях, ни об объективных ситуациях протекания деятельности субъекта. Мотивы речевой деятельности субъективно окрашивают значения, порождая личностные смыслы. Но при этом человек обладает не только индивидуальным эмоциональным опытом, но и «социальным» эмоциональным опытом, усвоенным в процессах коммуникации [14].

Кроме того, существуют убедительные данные, свидетельствующие о том, что эмоции являются важнейшим фактором регуляции процессов познания: они определяют произвольное внимание и запоминание, влияют на процессы воображения и фантазии и др. [2; 4; 5; 10 и др.].

В.К. Вилюнас отмечал, что понимание вновь вводимой информации осуществляется индивидом с опорой на весь прошлый личностный опыт; «именно этот опыт, существующий в виде навыков, умений, ожиданий, когнитивных схем и т. п., а не актуализирующие его внешние и внутренние воздействия, является главной детерминантой, определяющей содержание психически регулируемой активности» [6, с. 11]. Эта мысль психолога, высказанная почти тридцать лет назад, разрабатывалась многими современными психолингвистами и нашла свое экспериментальное подтверждение. Так, исследование О.В. Голубевой [9] посвящено изучению проблемы понимания вербальных единиц на базе исследования выводного знания как внутреннего источника смыслообразования естественной речемыслительной деятельности. При этом выводное знание понимается как знание-переживание, репрезентированное сетью причинно-смысловых связей, а эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка – как «субъективно создаваемая в процессе речемыслительной деятельности интегративная смысловая опора» [Там же, с. 7]. Согласно О.В. Голубевой, эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка базируется на системе когнитивных ментальных опор, связанных с той или иной вербальной единицей, и определяется актуализацией ассоциативных связей между опорами вследствие не столько условий конкретной речевой деятельности, сколько содержания смыслового инварианта опор. Он оказывается стабильным ментальным источником смыслов. Такая гипотеза вполне согласуется с базовым положением теории самоорганизации и методологии психолингвистики, согласно которому структура окружающей среды только запускает структурные изменения в мыслительной деятельности человека, но не определяет их и не управляет ими: «то, что мы принимаем как некое простое восприятие чего-то, в действительности несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры» [15, с. 20]; «всякое познание есть действие со стороны познающего, т. е. всякое познание зависит от структуры познающего» [Там же, с. 30]. Но в моделях второго порядка, позволяющих анализировать процесс понимания, эта идея пока не реализована. Очевидно, что при ее реализации необходимо учесть интегративную функцию эмоций в процессах осуществления деятельности.

Еще одно фундаментальное основание теории эмоций находим у П.К. Анохина. В сво-

ей «биологической теории эмоций» ученый утверждает универсальную закономерность: эмоции сигнализируют о совпадении или расхождении характера действия и его результата (акцептора действия); нервный субстрат эмоций активируется и в том и в другом случае. При этом положительные эмоции закрепляют характер действия, отрицательные – запуская новые комбинации эффекторных возбуждений [1]. Вследствие нейрофизиологического закрепления ассоциаций между положительными эмоциями и удачными действиями в системе деятельности образуются «предвосхищающие» эмоции, которые сигнализируют субъекту деятельности о вероятном характере действий еще до реального их осуществления. Именно такая эмоциональная опережающая информация превращает деятельность в эвристическую. Поэтому эмоционально-мотивационные системы практически неразрывно связаны функцией регуляции поведения индивида.

Наконец, теория эмоций базируется на фундаментальном положении о том, что «...эмоции семиотичны, консервируются в языковых знаках и прежде всего в слове. Кодифицированность вербальной эмоции предполагает закрепление достаточно определенного для данного языкового социума обобщенного эмоционального содержания за тем или иным языковым знаком, которое конкретизируется в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях» [25, с. 87]. Разрабатывая лингвистическую теорию эмоций, В.И. Шаховский оперирует термином *эмотивность слова*, под которой понимается «его семантическая способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального (оязыковленного) выражения определенных эмоциональных отношений субъектов» [24, с. 6] и которая «напрямую зависит от типа дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов» [Там же, с. 17].

Таким образом, психологи, нейрофизиологи и лингвисты выделили ряд свойств эмоций, детерминирующих их интегративную и регулирующую функции в деятельности вообще и речевой деятельности в частности. Эти свойства задают не только основную функцию мотива – побуждение, но и функцию смыслообразования, что позволяет рассматривать теорию эмоций как одно из оснований междисциплинарного рассмотрения речевой деятельности, не акцентируя генетическую разницу эмоций, функционально представляющих мотивы определенной деятельности.

Исследуя влияние аффективных факторов на структуру мыслительной деятельности, Ю.В. Виноградов указал на невозможность правильного решения субъективно сложных мыслительных задач без эмоциональной мотивации. Эмоциональная активация может проявляться в том, что «в поисковую деятельность включаются только элементы, взаимодействующие с эмоционально закрепленными, причем это включение регламентируется общим замыслом решения» [7, с. 54]. Рассматривая эмоциональность как психолингвистическую категорию, А.В. Кинцель в экспериментальном исследовании на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда установила, что эмоциональность присуща текстам любого функционального стиля, в том числе и текстам научной и официально-деловой речи, которые традиционно считаются эмоционально нейтральными [11]. При этом эксперименты показали не только ту или иную степень эмоциональности всех исследуемых текстов, но и существование обратной зависимости между эмоциональными и информационными компонентами их смысловой структуры. Исследование осуществлялись на трех группах экспериментов: на понимание эмоциональной доминанты текста, на продуцирование личностных смыслов при порождении текста испытуемыми и определение роли эмоциональной доминанты в переструктурировании трансформированного текста. Были выявлены языковые репрезентанты эмоциональной доминанты таких текстов, которые в системе языка традиционно считаются нейтральными. А.В. Кинцель убедительно показала определяющую роль эмоционально-мотивационных явлений во всех перечисленных видах речевой деятельности и экспериментально подтвердила положение о существовании единой эмоционально-смысловой структуры текста, определив к тому же модальность, интенсивность и структуру эмоциональности различных текстов. При этом эмоциональность как языковая репрезентация ведущего мотива [18] полагается принадлежностью сферы индивидуального сознания индивида, порождающего или воспринимающего текст, поэтому содержание термина отграничивается от эмотивности, традиционно рассматриваемой как лингвистическая категория, обладающая системой собственных средств и способов реализации. Но, по сути, эти термины не противоречат друг другу и отражают психологическую реальность мотивированной речевой деятельности.

Результаты исследования А.В. Кинцель позволяют думать, что эмоциональность от-

носится к сущностным, универсальным характеристикам текста как продукта речевой деятельности наряду со связностью и цельностью, что вполне согласуется с наличием ее мотива, проявляющегося в эмоциях. Эмоциональность текста представляет эмоционально-мотивационную сферу сознания, регулирующие процессы смыслообразования и характер его репрезентации в языке. Перспективным для теории эмоций в этом направлении могло бы стать выявление закономерностей формирования эмоционально-смысловой доминанты текста и эмоциональной регуляции процессов смыслообразования человека, а также установление специфики осуществляющих их речемыслительных механизмов.

По сути, теория эмоций становится междисциплинарной базовой концепцией со своей специфической предметной областью, в которой к решению специальных задач применяются универсальные методы: сущностные свойства эмоции как компонента речевой деятельности не могут быть изучены иначе.

Значение междисциплинарных методов исследования наиболее очевидно выявляется в наблюдениях за динамикой значения слова — существенно нестабильного психологического образования, способного возникать только в конкретной речемыслительной деятельности человека. Исследователи отмечают, что «сдвиг» значения, как правило, начинается с изменения характера эмоционального компонента коннотации слова [16; 17; 19; 23; 26 и др.]. Это обусловлено своеобразием использования культурного объекта в различных типах деятельности людей, порождающим разные ассоциативные связи, которые, в свою очередь, приводят к образованию тех или иных коннотаций у слов, номинирующих культурные предметы. Н.С. Панарина, исследуя прецедентные единицы, делает вывод о том, что «любой сдвиг в ценностной доминанте прецедентного имени свидетельствует о нарушении гештальтности прецедентного феномена и, как следствие — о начале переструктурирования его содержания, приводящего к разной степени утраты связей с исконным содержанием прецедентного феномена и даже к полной деактуализации его содержания» [15, с. 8]. Важно и то, что значение слова в речевой деятельности демонстрирует не столько определенное интегративное содержание, сколько отношение индивида к этому содержанию — личностный смысл. При этом одно и то же речевое действие может быть реализовано разными языковыми операциями, характер которых во многом определяется эмоциональным

состоянием продуцента речи. Поэтому слово выступает и как средство «создания единства чувственного образа» [20, с. 133].

А.И. Хлопова, опираясь на положение о том, что базовые ценности обязательно словесно репрезентируются, полагает, что их динамику можно обнаружить с помощью специфической вербальной диагностики на базе данных свободного ассоциативного эксперимента. Исследователь экспериментально показал, что «о начале структурно-содержательной перестройки слова свидетельствует значительно возрастающее количество негативных коннотаций» [23, с. 9].

С.Н. Шевченко, опираясь на положение отечественной психолингвистики о том, что ассоциативное значение дает возможность сформировать более точные представления о мотивах и прагматике речевой деятельности, устанавливает структурно-содержательные характеристики ассоциативных полей, отражающих динамику и вариативность семантической структуры слова [26]. И поскольку ассоциативное поле в силу произвольности ассоциирования отражает семантическую сочетаемость слова, не представленную в лексикографических источниках и Национальном корпусе русского языка, возникает возможность детальнее выявлять коннотативное содержание слова и создавать такую ассоциативную лексикографию, в которой учитывается многомерность значения.

М.А. Балаш, изучая фоносемантическую структуру текста, замечает, что фоносемантическое значение формируется у любого носителя языка на базе уже имеющихся в мозгу перцептивных эталонов, включающих сенсорные и акустические характеристики звуков и их сочетаний (чувственных представлений), которые ассоциируются со звуковыми оболочками языковых знаков. Это значение выполняет регулирующую функцию в понимании текста, что также свидетельствует о значимости эмоционального компонента в процессе смыслопорождения [3].

Не нарушает выявленных закономерностей и эстетизированная эмоция, фиксированная в художественном тексте и играющая регулирующую роль как в представлении, так и в понимании авторских личностных смыслов. Мотивационные процессы, направляя эстетическую речевую деятельность, формируют индивидуальные эмоции реципиента: «...всякое произведение искусства естественно рассматривается психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать

эстетическую реакцию. При этом, анализируя структуру раздражителей, мы воссоздаем структуру реакции» [8, с. 27]. Мотивация, отраженная в системе эстетически значимых авторских эмоций, может и не осознаваться автором художественного текста. Но реципиентом она легко обнаруживается, потому что система эстетических эмоций фиксируется в языковых единицах (и их авторских трансформациях). Эмоциональное закрепление эстетически значимых элементов способствует адекватности понимания смыслов, поскольку часто «эмоциональное решение» (понимание) может опережать интеллектуальное, поэтому возникновение эстетической эмоции у реципиента возможно до анализа компонентов художественного текста.

Таким образом, в современной науке существует совокупность психологических, нейрофизиологических и лингвистических данных, которые могут быть интегрированы в фундаментальную теоретическую концепцию, акцентирующую междисциплинарность речевой деятельности как объекта научного исследования.

Список литературы

1. Анохин П.К. Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. 2-е изд. М.: Медгиз, 1964. Т. 35.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд. М.: Смысл, Академия, 2007.
3. Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
4. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации детей и подростков. М.: Педагогика, 1972. С. 7–44.
5. Васильев И.А. Мотивация и смысловая регуляция мыслительной деятельности // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 214–232.
6. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.
7. Виноградов Ю.В. Влияние аффективных следов на структуру мыслительной деятельности // Психологическое исследование интеллектуальной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 50–55.
8. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
9. Голубева О.В. Гипотеза эвиденциальности выводного знания (экспериментальное исследование). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.
10. Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Нов. шк., 1997.
11. Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
12. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
13. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
14. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.
15. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М., 2001.
16. Панарина Н.С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: автореф. ... дис. канд. наук. М., 2018.
17. Пищальникова В.А. Анализ языка как синергетической системы: об одном «заимствовании» в русском языке // Изв. Алт. гос. ун-та. 2000. № 4. С. 96–100.
18. Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул: Изд-во Алт.ГУ, 1999.
19. Пищальникова В.А., Панарина Н.С. Модное прецедентное имя / текст: причины появления и специфика функционирования // Язык и мода: сб. ст. / РАН ИНИОН. Отдел языкознания / отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2017. С. 87–96.
20. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Изд-во «Лабиринт», 2010.
21. Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
23. Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2018.
24. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
25. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: моногр. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016.
26. Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2018.

* * *

1. Anohin P.K. Jemocii // Bol'shaja medicinskaja jenciklopedija. 2-e izd. M.: Medgiz, 1964. T. 35.
2. Asmolov A.G. Psihologija lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitija cheloveka. 3-e izd. M.: Smysl, Akademija, 2007.
3. Balash M.A. Fonosemanticheskaja struktura teksta kak faktor ego ponimania: jeksperimental'noe issledovanie: dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 1998.

4. Bozhovich L.I. Problema razvitija motivacionnoj sfery rebenka // *Izuchenie motivacii detej i podrostkov*. M.: Pedagogika, 1972. S. 7–44.
5. Vasil'ev I.A. Motivacija i smyslovaja regulacija myslitel'noj dejatel'nosti // *Sovremennaja psihologija motivacii* / pod red. D.A. Leont'eva. M.: Smysl, 2002. S. 214–232.
6. Viljunas V.K. Psihologicheskie mehanizmy motivacii cheloveka. M.: Izd-vo MGU, 1990.
7. Vinogradov Ju.V. Vlijanie affektivnyh sledov na strukturu myslitel'noj dejatel'nosti // *Psihologicheskoe issledovanie intellektual'noj dejatel'nosti*. M.: Izd-vo MGU, 1979. S. 50–55.
8. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva. M.: Pedagogika, 1987.
9. Golubeva O.V. Gipoteza jevidencial'nosti vyvodnogo znaniya (jeksperimental'noe issledovanie). Tver': Tver. gos. un-t, 2016.
10. Zinchenko V.P. Posoh Osipa Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoj psihologii. M.: Nov. shk., 1997.
11. Kincel' A.V. Jeksperimental'noe issledovanie jemocional'no-smyslovoj dominanty kak teksto-obrazujushhego faktora: dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 1998.
12. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. M.: Smysl, 1997.
13. Leont'ev A.A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M.: Prosveshhenie, 1969.
14. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i jemocii. M.: MGU, 1971.
15. Maturana U., Varela F. Drevo poznanija. M., 2001.
16. Panarina N.S. Psiholingvisticheskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentsnosti: avtoref. ... dis. kand. nauk. M., 2018.
17. Pishhal'nikova V.A. Analiz jazyka kak sinergeticheskoy sistemy: ob odnom «zaimstvovanii» v russkom jazyke // *Izv. Alt. gos. un-ta*. 2000. № 4. S. 96–100.
18. Pishhal'nikova V.A. Psihopojetika. Barnaul: Izd-vo Alt.GU, 1999.
19. Pishhal'nikova V.A., Panarina N.S. Modnoe precedentsnoe imja / tekst: prichiny pojavlenija i specifika funkcionirovanija // *Jazyk i moda: sb. st. / RAN INION. Otdel jazykoznaniya / otv. red. N.N. Troshina*. M., 2017. S. 87–96.
20. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk. M.: Izd-vo «Labirint», 2010.
21. Psihologija jemocij. Teksty / pod red. V.K. Viljunasa, Ju.B. Gippenrejter. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984.
22. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SPb.: Izd-vo «Piter», 2000.
23. Hlopova A.I. Verbal'naja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2018.

24. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008.

25. Shahovskij V.I. Dissonans jekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, jazyk, jemocii: monogr. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov I.L., 2016.

26. Shevchenko S.N. Strukturnaja specifika associativnogo polja leksicheskikh edinic, oboznachajushhih poleznye iskopaemye, kak projavlenie semanticheskikh razlichij leksem: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. M., 2018.

Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process

The article considers the theory of emotions from the perspective of psychology, neurophysiology and linguistics. The author substantiates the idea of the theory of emotions as one of the constituent parts of the interdisciplinary concept of speech process.

Key words: *speech process, theory of emotions, interdisciplinarity.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2018)

И.А. ЩИРОВА
(Санкт-Петербург)

КОГНИТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ ЧИТАТЕЛЯ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С учетом интерпретирующего характера современной научной парадигмы акцентируется значимость интерпретации, которая рассматривается как когнитивная целенаправленная деятельность. Выделяются условия успешной интерпретации художественного текста, в том числе когнитивная активность интерпретатора, семантические приращения художественного слова и особенности художественного воспроизведения эмоций.

Ключевые слова: *диалогизм, интерпретация, интенциональность, когнитивная деятельность, когнитивная активность, имплицитные смыслы, эмотивная семантика.*

Значимость проблем интерпретации для современной науки не подлежит сомнению: доминирующие идеи диалогизма заставляют видеть в тексте индивидуально-авторский вариант видения мира, с необходимостью актуа-